

Т. И. Ерохина

Ярославский текст как семиотическая система

Выполнено по гранту РФФИ 14-18-01833

Осмысление феномена ярославского текста основано на структурно-семиотических и историко-культурных представлениях о «городских текстах» в истории культуры. Определены методологические принципы анализа *текста* как семиотической системы, основанные на работах Ж. Деррида, Э. Бенвениста, Ю. Лотмана, обозначены отличительные признаки и функции текста как семиотической системы. Представлены основные вехи формирования традиции осмысления семиотической составляющей «текста города», рассмотрены основания определения *города* как семиотической системы, обозначены критерии анализа «городских текстов». Выявлены специфические характеристики «ярославского текста»: город как имя, город как пространство, город как время, – на основе которых формируются коммуникативные функции ярославского текста. Обозначены базовые культурные коды (мифы) ярославского текста. Ярославский текст определен как семиотическая, интертекстуальная и мифогенная структура.

Ключевые слова: городской текст, ярославский текст, семиотика, имя, миф, память, время, коммуникация, культурные коды.

Т. I. Erokhina

Yaroslavl Text as a Semiotic System

Understanding of the phenomenon of the Yaroslavl text is based on the structural and semiotic, historical and cultural notions of "urban text" in the history of culture. In the article are defined methodological principles of the textual analysis as a semiotic system, based on the work by Jacques Derrida, E. Benvenista, Lotman, features and functions of the text as a semiotic system are marked. The main milestones of the tradition of the semiotic interpretation component of the "text of the city" are pointed out, the base of the definition of the city as a semiotic system is considered, criteria analysis of "urban texts" are designated. Specific characteristics of "the Yaroslavl text" is identified: the city as a name, the city as space, the city as time – which formed the communicative functions of the Yaroslavl text. Basic cultural codes (myths) of the Yaroslavl text are designated. Yaroslavl is defined as a semiotic text, intertextuality and a mythogenic structure.

Keywords: the urban text, the Yaroslavl text, semiotics, a name, a myth, memory, time, communication, cultural codes

Феномен ярославского текста на сегодняшний день недостаточно осмыслен в научной литературе. Вместе с тем, обращение к городским текстам» имеет в истории культуры устоявшуюся научную традицию, а все возрастающий рост интереса к провинциальной культуре и проблемам глокализации делают необходимым осмысление текстовой составляющей города, позволяющей выявить не только онтологически значимые символы исторического прошлого, но и перспективы культурного развития провинциальных городов.

Осмысление феномена ярославского текста основано на выявлении ряда базовых теоретико-методологических характеристик, позволяющих осмыслить семиотический дискурс текста города. Исходя из поставленных задач, выделяется три смысловых блока анализа ярославского текста:

- обозначение сущностных характеристик текста (в том числе – текста города) как семиотической системы;
- определение типологических характеристик городского текста, позволяющих утверждать наличие «ярославского текста» как семиотической системы;
- выявление специфических характеристик «ярославского текста».

Дефиниция «ярославский текст» соединяет в себе две системы: *текст как семиотическая система* и *город как семиотическая система*.

Не останавливаясь специально на семиотической концепции текста, отметим лишь те базовые характери-

стики семиотики текста, которые будут востребованы в исследовании.

С одной стороны, мы будем опираться на широкую трактовку текста, обозначенную в известном высказывании Жака Деррида, утверждающего, что внетекстовой реальности вообще не существует [6], следовательно, текстом становится практически любая деятельность человека, любое действие. С другой стороны, нам ближе более структурированное понимание текста, предложенное Ю. М. Лотманом, для которого *текст* мыслится как ограниченное, замкнутое в себе конечное образование, одним из основных признаков которого является наличие специфической внутренне присущей ему структуры, влекущей за собой высокую значимость категории «границы» [11]. В связи с обозначенным выше текстом обозначается явление, поддающееся интерпретации, воспринимающееся как целостное образование, выделяющееся из более крупного текстового массива.

По определению Э. Бенвениста (анализирующего, прежде всего, семиологию языка), всякий текст как семиотическая система характеризуется четырьмя отличительными признаками: операторным способом, сферой действия, природой и числом знаков, типом функционирования [4]. Эти признаки текста применимы к любой семиотической системе со следующими уточнениями и пояснениями:

1) *операторный способ* – способ, посредством которого текст воздействует, то ощущение, через которое он воспринимается (зрение, слух и т. д.);

2) *сфера действия* – область, в которой система признается, действует, является обязательной, воздействует на поведение (культура, искусство, искусствоведение, лингвистика, дизайн, музыка, социальная сфера и пр.);

3) *природа и число знаков* – материальное выражение букв, звуков, цветов, линий, форм, плоскостей, запахов в бесконечных вариациях. Все эти составляющие являются производными от вышеназванных признаков семиотической системы (текста) [7];

4) *тип функционирования текста* – отношение, которое соединяет знаки и придает им различную функцию. Так, по мнению Е. Елиной, к типам функционирования текста относятся линейность (протяженность в пространстве и во времени), иконичность (изобразительность), континуальность (непрерывность), пространственность (расположение на плоскости и в пространстве). Линейность характеризует любой словесный (вербальный) текст, иконичность, пространственность и континуальность свойственны изобразительному текстовому фрагменту либо целому тексту-изображению (в статике или динамике) [7].

Помимо отличительных признаков, текст как семиотическая система характеризуется усложнением функций.

Текст как семиотическая система перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, *он приобретает память*.

Текст обнаруживает *свойства интеллектуального устройства*: он не только передает вложенную в него извне информацию, но и *трансформирует* сообщения и *вырабатывает* новые.

В этих условиях социально-коммуникативная функция текста значительно усложняется. Ее можно свести к следующим процессам.

Первый процесс – общение между адресантом и адресатом. Несмотря на символичность (и сознательную символизацию) текста, он изначально выполняет информационную функцию, связанную с содержательным аспектом текста.

Второй процесс – общение между аудиторией и культурной традицией. В теории Ю. Лотмана данная функция текста осмыслена в аспекте «коллективной культурной памяти» [11, с. 161], где текст обнаруживает способность к пополнению и актуализации (или забыванию) аспектов вложенной в него информации. Эта функция имеет особое значение, поскольку, с одной стороны, адресат обнаруживает в тексте наличие или отсутствие «своего», привычного, в том числе традиционно «присваемого» в культуре. С другой стороны, при осознании разрыва с культурной традицией и обозначении «чужого» в тексте адресат актуализирует необходимость идентификации, в том числе в контексте выстраивания коммуникативного акта.

Третий процесс – общение читателя с самим собой. Исходя из каноничности текстов, Ю. Лотман обращает внимание на актуализацию определенных сторон личности адресата, где текст становится своего рода медиато-

ром, способствующим «перестройке личности читателя, изменению ее структурной самоориентации и степени ее связи с метакультурными конструкциями» [10, с. 162]. Данный вариант коммуникации является логичным продолжением предыдущего, поскольку общение читателя с самим собой приводит к следующей за идентификацией необходимости самоидентификации читателя.

Четвертым процессом является общение читателя с текстом. Текст становится «равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности. И для автора (адресанта), и для читателя (адресата) он может выступать как самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге» [10, с. 161]. Текст выходит за рамки медиативной функции и может сам выступать в качестве адресанта.

Пятый процесс определен в теории Ю. Лотмана как общение между текстом и культурным контекстом: способность текста в новой коммуникативной ситуации актуализировать «скрытые аспекты своей кодирующей системы» [10, с. 162].

Тексты, как более стабильные и отграниченные образования, имеют тенденцию переходить из одного контекста в другой, как это обычно случается с относительно долговечными произведениями искусства: перемещаясь в другой культурный контекст, они ведут себя как информант, перемещенный в новую коммуникативную ситуацию, – актуализируют прежде скрытые аспекты своей кодирующей системы. Такое «перекодирование самого себя» в соответствии с ситуацией обнажает аналогии между знаковым поведением личности и текста.

Таким образом, *текст*, с одной стороны, уподобляясь культурному макрокоду, становится значительнее самого себя и *приобретает черты модели культуры*, а с другой – имеет тенденцию *осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности* [10, с. 161].

В свете сказанного текст предстает перед нами как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности [10, с. 162].

Традиции осмысления семиотической составляющей «текста города» сложились в отечественной научной парадигме в начале XX в. и связаны, по мнению исследователей [13], с появлением историко-литературных работ, посвященных Петербургу. В этом ряду первыми исследованиями, посвященными тексту города, стали книги Н. П. Анциферова «Душа Петербурга» (1922) [3] и «Бль и миф Петербурга» (1924) [2]. Исследование Н. П. Анциферова представляет собой исторически последовательное описание формирования и развития петербургских мотивов и образов в русской литературе XIX–XX вв., показывает связь литературного «образа места» с внеположенной реальностью, их влияние друг на друга в процессе рецепции [13].

Н. П. Анциферов указывает на «двойную жизнь» художественного произведения и определяет два подхода к нему: «первый – эстетический (вещь как бы отрывается от своего творца, от своей эпохи, проходит через века и

становится нашей), второй – историко-культурный (историк, отрешаясь от своего времени через труд и интуицию, подходит к вещи, взятой в связи с эпохой, породившей ее). Путь обратный» [3]. При этом, по мнению исследователя, эти подходы не исключают, напротив – взаимно дополняют друг друга, выявляя три главных момента творчества: творец, вещь, созерцатель.

Тем не менее, предпочтение отдается все же второму подходу, позволяющему воссоздать среду, породившую творца и его творение. В обширном по значению понятию «среда» Н. П. Анциферов в соответствии с определенной «темой, заимствованной из литературного произведения», выделяет срез, связанный с *топикой* вообще и с *Петербургом русской литературы*. Н. П. Анциферов убежден, что внимательное посещение тех мест, которые оказали влияние на душу писателя и отразились в его творчестве, будет содействовать постижению художественного произведения. Отсюда и понятие «литературной экскурсии» как движения в реальном пространстве, заданного литературой.

Таким образом, городской, в частности петербургский, текст формируется для исследователя прежде всего литературой. Литература *первична*, что и определило неизбежность прорисовки той степени общности и связности, которая позволила позднее назвать весь этот литературный пласт «Петербуржским текстом» [13].

В дальнейшем отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к петербургской теме в русской литературе. Тем не менее, понятие «петербургский текст», положившее начало формированию понятия городского текста в культуре, по мнению исследователей, было введено в научный оборот в 1984 году благодаря работам В. Н. Топорова «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» [18] и Ю. М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [12].

Не обращаясь специально к анализу данных работ, отметим, что В. Н. Топоров определял устойчивую семантику, закрепившуюся за формальной организацией текста, семантическое ядро, продуцирующее определенный порядок в реализации содержательных структур текста. Его интересовала, прежде всего, «память текста», поиск сверхтекстовой реальности, которая бы независимо от авторской интенции диктовала набор возможных и релевантных вариантов реализации темы [8]. Для В. Н. Топорова «Петербургский текст» представляет собой «сверхнасыщенную реальность», «миф и сферу символического». «Петербургский текст» есть одновременно и репрезентация, и репрезентируемое, и текст, и Петербург. «Петербургский текст» оказывается *мифологемой*, совмещающей в себе реальность сверхтекста и внетекстуальную эмпирическую реальность. Аналитическая конструкция приобретает черты синтетического мифа, а «петербургский текст» становится не просто миметической проекцией, но мистическим двойником Петербурга [8].

Опираясь на специфику «петербургского текста», В. Н. Топоров определяет особенности городского текста как такового. Городской текст – это то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди

города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. Эти тексты составляют особый круг. Они самодостаточны: их составители знают, что нужное им не может быть передоверено официальным текстам «высокой» культуры. <...> Срок жизни этих текстов короток, и время поглощает их – сразу же, если сказанное не услышано и не запомнено. <...> Лишь немногие классы этих текстов могут рассчитывать на годы, десятилетия или даже столетия существования. <...> Но скоротечность жизни подобных текстов в значительной степени уравнивается тем, что время не только стирает тексты, но и создает и репродуцирует новые, так или иначе восстанавливающие учитываемые образцы, или же если эти тексты, хотя бы и не вполне адекватно, успевают быть схвачены на лету литературой» [18].

Анализ специфики городского текста представлен и в работах Ю. М. Лотмана, который предлагает рассматривать Петербург как текст и как механизм порождения текстов. Рассмотрение города как текста позволяет выявить такие его специфические черты, как *кодовая гетерогенность* – неременная «*зашифрованность* несколькими кодами; *семиотическая неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся одновременно образовать единый текст. Наглядно выступает также свойство текста накапливать и постоянно регенерировать свою историю*» [12, с. 3]. Таким образом, по мнению Ю. М. Лотмана, «*символическое бытие предшествовало материальному. Код предшествовал тексту*» [12, с. 3].

На сегодняшний день «петербургский текст», вероятно, является одним из самых разработанных в культурологии, литературоведении, эстетике. Именно поэтому в исследовании ярославского текста мы опираемся на методологические принципы структурно-семиотических и историко-культурных исследований городского текста. Исходя из заданных Ю. М. Лотманом критериев для описания семиотического пространства Петербурга, акцентируем внимание на тех концептах, которые, на наш взгляд, являются универсальными и характеризуют специфику города как текста. К ним относятся осмысленные

- города как имени;
- города как пространства (названия улиц, архитектурное пространство)
- города как времени (диахронический анализ заданных семиотических параметров) [11].

На сегодняшний день в гуманитарной традиции сложился достаточно репрезентативный круг «городских текстов», анализ которых продолжает семиотические и структурно-семиотические традиции Ю. М. Лотмана: помимо упомянутых выше «петербургского» и «московского текста», «пермский текст» [1], «архангельский» [5], «челябинский» [14], «вятский» [15], «ростовский текст» [17] и др.

Осмысление города как категории культуры, символического пространства приводит к формированию культурологического концепта «городской текст», в котором взаимосвязаны структурно-семиотические и историко-культурные дискурсы осмысления города.

По замечанию Ю. М. Лотмана, «реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность соположаться с настоящим как бы синхронно» [11, с. 285].

Таким образом, любой город обладает собственной текстовой составляющей. В. В. Абашев следующим образом объясняет рождение «городских текстов»: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают, по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом, формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [1].

Каждый город обладает особым набором семиотических составляющих, позволяющих ему структурировать собственную семиотическую систему. Сознательно оставая в стороне литературные тексты, посвященные Ярославлю (поскольку литературная составляющая Ярославля, во-первых, не столь значима, как литературная составляющая петербургских текстов, а во-вторых, требует отдельного рассмотрения), обратимся к анализу культурного текста города. Текстовая составляющая города Ярославля складывается из следующих критериальных факторов.

Город как имя. Феномен «ярославского текста» (вслед за петербургским и в отличие от московского, вятского, пермского, ростовского текстов) заключается в том, что город имеет имя собственное, то есть мифологически «персонифицированное». Имя исторической личности (что особенно важно – основателя города) способствует мифологизации города, моделированию основополагающего культурного кода. Ярославль как имя собственное актуализируется не только в легенде о рождении города, но и в памятнике Ярославу Мудрому, занявшему свое место в центре городского пространства, на денежных купюрах, в обозначении горожан-жителей Ярославля. Обратим особое внимание на гендерную специфику: жительницы города Ярославля – «ярославны», в связи с чем появляется дополнительная коннотация именной мифологии. Имя «Ярославна» также является именем собственным, особо значимым в истории русской культуры: Ярославна – героиня «Слова о полку Игореве», текст которого впервые был обнаружен в Ярославле.

Кроме того, семиотическая система ярославского текста содержит в себе отсылку к другим именам, кото-

рые в контексте не только городской, но и российской культуры в целом стали воплощением культурных героев: знаменитые ярославские земляки Ф. Г. Волков, Н. А. Некрасов, В. Н. Терешкова и др.

Город как пространство. Географическое пространство Ярославля также мифологизировано и имеет свою структуру, в которой выделяются сакральные и профанные локусы. Пространство мифа – это, прежде всего, место рождения города, связанное (как и в случае с Петербургом) с эсхатологическими мотивами – мотивом языческой жертвы (легенда о медведице, зарубленной секирой Ярославом). Обратим внимание, что геральдическая медведица давно вышла за пределы герба Ярославля и сформировала своего рода «медвежью мифологию» города: так называемые «медвежьи места» города обозначены довольно многочисленными артефактами (бронзовый «рычащий» медведь на камне в центре города, скульптура «Медведь-рыбак» З. Церетели, установленная в парке «Тысячелетия Ярославля», музей «Мой любимый мишка», цветочные композиции и многое другое). К сакральным локусам города относятся места храмов (среди которых особое значение имеет Храм Ильи Пророка, находящийся в центре города, Храм Иоанна Предтечи, Храм Богоявления и др.), Стрелка, Волжская набережная, место начала ополчения (часовня) и т. д.

Город как время. Тысячелетняя история Ярославля, позволяющая говорить о мифологическом статусе времени существования Ярославля, в свою очередь порождает код «вечного» города. Статус «вечного» города – или, по крайней мере, одного из самых старых русских городов, крайне важен в семиотической системе Ярославля. Несмотря на то, что в контексте вечности не столь значимы отдельные даты, мифологизация времени находит отражение как в отдельных датах (год рождения Ярославля – 1010), так и в особо значимых в контексте исторического существования Ярославля периодах и событиях: золотой век в истории Ярославля (XVII в.), период ополчения, формировавшегося в Ярославле и придавшего ему статус столицы, белогвардейский мятеж, современный Ярославль – «древний город, устремленный в будущее» и др.

Указанные выше составляющие позволяют говорить о формировании особой семиотической системы городского текста. Ярославский текст приобретает исключительность, сакрализуется, претендует на роль особого провинциального города, сопоставимого с Петербургом в историко-культурном контексте и с Москвой – в территориальном (центральный Федеральный округ).

Исходя из заданных параметров, моделируются функции текста города:

– *Информационная функция.* Каждый ярославский текст несет информацию о городе (имени, пространстве, времени).

– *Общение между аудиторией и культурной традицией.* Ярославский текст становится текстом культурной памяти, непрерывно пополняется, актуализируя те или иные аспекты информации.

– *Общение читателя с самим собою.* Текст актуализирует определенные стороны личности самого адресата. В ходе такого общения происходит идентификация и

самоидентификация читателя: я – ярославец (особо показательно сформулирована еще в одном культурном мифе ярославского текста: в формуле «расторопный ярославский мужик»).

– *Обищение читателя с текстом.* Ярославский текст становится равноправным собеседником, возникает ситуация диалога, в котором житель города «вчитывает» в мифопоэтику ярославского текста мифологию собственного существования.

– *Обищение между текстом и культурным контекстом,* в процессе которого формируется метатекстовый характер ярославского текста.

Таким образом, локальный текст, в нашем случае ярославский, становится интертекстуальной системой, обладающей мифогенным потенциалом.

Библиографический список

1. Абашев, В. В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века [Электронный ресурс] / В. В. Абашев. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-i-literature-xx-veka>
2. Анциферов, Н. П. Быль и миф Петербурга [Электронный ресурс] / Н. П. Анциферов – Режим доступа: <http://www.ngebooks.com/>
3. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга [Электронный ресурс] / Н. П. Анциферов. – Режим доступа: <http://fanread.ru/book/1709938/>
4. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1994.
5. Давыдов, А. Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта [Текст] / А. Н. Давыдов // Культура русского севера. – Л.: Наука, 1988. – С. 86–99.
6. Деррида, Ж. Деконструкция: тексты и интерпретация [Текст] / Ж. Деррида. – Минск: Экономпресс, 2001.
7. Елина, Е. Семиотика рекламы [Электронный ресурс] / Е. Елина. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/evgeniya_elina/semiotika_reklamy-read.html
8. Калинин, И. «Петербургский текст» московской филологии [Электронный ресурс] / И. Калинин. – Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/>
9. Кацис, Л. Логос В. Н. Топорова в локусе «петербургского текста русской литературы» [Электронный ресурс] / Л. Кацис. – Новое литературное обозрение. – 2009. – № 98. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/ka9.html>
10. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
11. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
12. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города [Текст] / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Ученые записки Тартусского государственного университета. 644. Труды по знаковым системам. Вып. XVIII. – Тарту, 1984. – С. 30–45.
13. Меднис, Н. Е. Петербургский текст русской литературы [Электронный ресурс] / Н. Е. Меднис. – Режим доступа: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?id=6&nno=35>
14. Милоков, Е. В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы [Текст] / Е. В. Милоков // Русская провинция: миф – текст – реальность. – М.; СПб.: Лань, 2000. – С. 347–361.
15. Осипова, Н. В. Вятский текст в культурном контексте [Электронный ресурс] / Н. В. Осипова // Биноколь. – Вятский культурный журнал. – 2002. – № 16. – Режим доступа: <http://www.binoklvyatka.ru>
16. Разумова, И. А. «...Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX

вв.) [Текст] / И. А. Разумова // Русская провинция: миф – текст – реальность. – М.; СПб.: Лань, 2000. – С. 324–334.

17. Самарина, Н. Г. Ростов и Ярославль: культурная память или культурный проект? [Электронный ресурс] / Н. Г. Самарина // История образов и представлений. – С. 289–298. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/19/1251439112/15.pdf>

18. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» [Текст] / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995 – С. 259–367.

Bibliograficheski spisok

1. Abashev, V. V. Permskij tekst v russkoj kul'ture i literature HH veka [Jelektronnyj resur] / V. V. Abashev. – Rezhim dostupa: <http://www.dissercat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-i-literature-xx-veka>
2. Anciferov, N. P. Byl' i mif Peterburga [Jelektronnyj resur] / N. P. Anciferov – Rezhim dostupa: <http://www.ngebooks.com/>
3. Anciferov, N. P. Dusha Peterburga [Jelektronnyj resur] / N. P. Anciferov. – Rezhim dostupa: <http://fanread.ru/book/1709938/>
4. Benvenist, Je. Obshhaja lingvistika [Tekst] / Je. Benvenist. – M.: Progress, 1994.
5. Davydov, A. N. Arhangel'sk: semantika gorodskoj sredy v sve-te jetnografii mezhdunarodnogo morskogo porta [Tekst] / A. N. Davydov // Kul'tura russkogo severa. – L.: Nauka, 1988. – S. 86–99.
6. Derrida, Zh. Dekonstrukcija: teksty i interpretacija [Tekst] / Zh. Derrida. – Minsk: Jekonompress, 2001.
7. Elina, E. Semiotika reklamy [Jelektronnyj resur] / E. Elina. – Rezhim dostupa: http://thelib.ru/books/evgeniya_elina/semiotika_reklamy-read.html
8. Kalinin, I. «Peterburgskij tekst» moskovskoj filologii [Je-lektronnyj resur] / I. Kalinin. – Neprikosnovennyj zasap. – 2009. – № 2. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/>
9. Kacis, L. Logos V. N. Toporova v lokuse «peterburgskogo teksta russkoj literatury» [Jelektronnyj resur] / L. Kacis. – Novoe lite-raturnoe obozrenie. – 2009. – № 98. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/ka9.html>
10. Lotman, Ju. M. Istorija i tipologija russkoj kul'tury [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2002.
11. Lotman, Ju. M. Semiosfera [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000.
12. Lotman, Ju. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Tekst] / Ju. M. Lotman // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta. 644. Trudy po znakovym sistemam. Vyp. XVIII. – Tartu, 1984. – S. 30–45.
13. Mednis, N. E. Peterburgskij tekst russkoj literatury [Jelektronnyj resur] / N. E. Mednis. – Rezhim dostupa: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?id=6&nno=35>
14. Miljukov, E. V. Cheljabinsk: okno v Aziju ili kraj obratnoj perspektivy [Tekst] / E. V. Miljukov // Russkaja provincija: mif – tekst – real'nost'. – M.; SPb.: Lan', 2000. – S. 347–361.
15. Osipova, N. V. Vjatskij tekst v kul'turnom kontekste [Je-lektronnyj resur] / N. V. Osipova // Binokl'. – Vjatskij kul'turnyj zhurnal. – 2002. – № 16. – Rezhim dostupa: <http://www.binoklvyatka.ru>
16. Razumova, I. A. «...Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko» (Petrozavodsk v literaturnyh i ustnyh tekstah XIX–XX vv.) [Tekst] / I. A. Razumova // Russkaja provincija: mif – tekst – real'nost'. – M.; SPb.: Lan', 2000. – S. 324–334.
17. Samarina, N. G. Rostov i Jaroslavl': kul'turnaja pamjat' ili kul'turnyj projekt? [Jelektronnyj resur] / N. G. Samarina // Istorija obra-zov i predstavlenij. – S. 289–298. – Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/19/1251439112/15.pdf>
18. Toporov, V. N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj litera-tury» [Tekst] / V. N. Toporov // Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledo-vanija v oblasti mifopojeticheskogo. Izbrannoe. – M.: Izdatel'skaja gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995 – S. 259–367.